Слово редактора-составителя

Петр А. Сафронов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Революция по краям

doi: 10.22394/2074-0492-2017-2-8-11

То, что революция начиналась с раздражения, не покажется новым. Ворчание третьего сословия, крестьянский ропот, недовольство окраин, возмущение молодых людей — вот уже какое столетие семантическое поле революции выстраивается вокруг силовых линий одного аффекта. Раздражение сегодня сопровождает и понятия, рожденные в ходе случившихся в истории революций. Сказать «классовая борьба» или «пролетарский интернационализм» вот уже какое десятилетие невозможно без предусмотрительных кавычек [Haslam, 2011, p. 364–365]. Идущая тут и там де-революционизация настойчиво превращает революцию в навсегда прошедшее [Wang, 2009, p. 3]. Этому только способствует и видимое размножение революционных означающих. Толки о *четвертой (индустриальной) революции, революционных стратегиях для развития бизнеса, революции в автопроме* и прочих революциях с заглавной буквы подчеркивают дискурсивное отсутствие Революции в единственном числе [Бульст и др., 2014, с. 644], о которой в разных тонах принято было писать в эпоху, часто именуемую модерном. Мы оказываемся в ситуации, когда понятие «революция» не дает более указаний к действию и вместе с тем проблематично теоретически [Там же, с. 522].

Сафронов Петр Александрович — философ, историк образования и стратегический консультант, руководитель магистерской программы «Доказательная образовательная политика» Высшей школы экономики. Научные интересы: этнография, странные фото, метафизика, политическая экономия, смешное кино. E-mail: psafronov@hse.ru
Peter A. Safronov — philosopher, historian of education and strategic adviser, head of MA on Evidence-based educational policy at Higher School of Economics. Research interests: ethnography, weird photography, metaphysics, political economy, funny movies. E-mail: psafronov@hse.ru

Материалы предлагаемого читателю номера объединяет легкая ирония по отношению к описанной дилемме. Вместо запечатывания смысла революции в тех или иных датах авторами предприняты усилия по размыканию революции в ее контексты: туда, где она продолжает сохранять продуктивность вне и помимо ее исторической (не)возможности. Не обсуждая *расцвет и падение* революции *per se*, мы придаем ей статус парапонятия, то есть чего-то, что расположено по соседству с чем-то другим, относительно чего уже возможно выстроить рассуждение. С чем соседствует революция и как это соседство трансформирует ее соседей? — так, пожалуй, следует сформулировать основной вопрос номера. Что может иметь и реально имеет революцию в качестве своей границы, своего определения, своего предела?

Расхожее определение связывает революцию со сменой порядка. Как правило, имеется в виду прежде всего порядок политический и его насильственное устранение [Censer, 2016]. Представляется, что такое определение во многом ответственно за концептуальную стерилизацию революции. Слишком многое здесь принято на веру: линейное устройство времени, автономность сферы политического, наконец, антропологическая соразмерность исторического процесса. Если пойти чуть дальше, то непременно обнаружится, что революция сохраняет гораздо больше того, что, по видимости, изменяет или отвергает. Сохранение, сбережение, консервация — таковы соседствующие с революцией явления, когда она мыслится в терминах изменения (политического) порядка.

Мышление о революции как историческом событии рискует оказаться в высшей степени контрреволюционным. Однако вовсе лишившись исторического контекста, оно может стать сугубо формальным. Не совмещение теории и истории, не следование одного за другим и, конечно, не оправдание или порицание, а только их соседство: таково устройство этого номера. Теория и история проницают друг друга, образуя сложный контрапункт нашей пьесы. Кратко обрисуем ее сюжет.

Статья Михаила Богатова исследует революционный консерватизм в его метафизических основаниях. Статья Тимура Атнашева показывает, как догматика изменения порядка блокирует творческий процесс в интеллектуальной среде на конкретном историческом примере. Оба текста вместе свидетельствуют о силе трансцендентального подхода, исследующего революцию, *как если бы* она целиком располагалась в пределах разума, нуждающегося только в правильном понимании условий своей работы, чтобы буквально произвести революционный переворот.

Однако ставка на разум может быть бита. Как быть с революцией, которая не состоялась? Здесь прежде всего требуется оценить

рефлексивно само требование состоятельности. Открывать или продолжать дебаты о революции — значит отказываться решать что-то определенное о революции. Эта не-решенность, неокончательность является всегда оппозиционной, если революцию предлагается принять как установленную позицию. Тексты Ирины Дуденковой, Джованни Савино и Дмитрия Козлова воплощают различные стороны мышления о революции как диссидентском акте.

Впрочем, даже неуверенное и пессимистическое мышление не решается порвать связи с культурой. Впечатляющую демонстрацию претензии на универсальное вневременное господство определенного культурного образца содержит эссе Мэтью Арнольда «Культура и анархия», перевод фрагмента которого впервые вводит этот памятник викторианской мысли в русскоязычный оборот. Апелляция к совершенству как культурному критерию уже содержит в себе зародыш культурных войн XX столетия. Материалы Ирины Сироткиной, Марка Симона и Татьяны Пыровой дают панораму различных стратегий сопротивления нормализации культуры, которые по самим условиям своего возникновения неизбежно соседствуют с революцией.

10 Изучение краев революции не может уклониться от описания крайностей. Более того, различение революционности и радикальности продолжает оставаться той точкой, в которой совершается мышление о революции. Перевести мышление в режим чрезвычайного положения — это, безусловно, радикальная задача. Исследовать состояние чрезвычайности — задача, быть может, менее радикальная, но вполне революционная. К такому кругу проблем отсылает перевод введения к одной из книг Андреаса Каливаса. Что собой представляет радикальное мышление как практическая и даже педагогическая установка, показывает перевод Отто Нейрата. Как и в случае с текстом Арнольда, предлагаемый вниманию читателя материал впервые вводит в русскоязычный контекст один из наиболее значительных модернистских проектов по свержению культурной власти словесности.

Обсуждение революции по краям можно понять среди прочего как занятие такой позиции, с которой все ее крайности выглядят несущественными возмущениями, порождаемыми преувеличенным самомнением человечества. Так сказать, терапия антропологического остатка революции проводится в номере благодаря рецензии Альберта Саркисьянца и статье Александра Павлова. Уж не является ли весь этот номер контрреволюцией? Не знаю, кажется, с нас уже достаточно судилищ. Попробуем попросту расположиться по соседству с революцией.

Библиография

Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. (2014) Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg). *Словарь основных исторических понятий.* Избр. ст. в 2 т. Т. 1. Пер. с нем. К. Левинсон, М.: Новое литературное обозрение: 520–728.

Censer J.R. (2016) *Debating Modern Revolution: The Evolution of Revolutionary Ideas*, London: Bloomsbury.

Haslam J. (2011) *Russia's Cold War,* New Haven: Yale University Press.

Wang H. (2009) *The End of the Revolution. China and the Limits of Modernity*, London: Verso.

References

Bul'st N., Kozellek R., Maier K., Fish I. (2014) Revoliutsiia (Revolution), bunt, smuta, grazhdanskaia voina (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg). *Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii.* Izbrannye stat'i v 2 t. T. 1. Per. s nem. K. Levinson, M.: Novoe literaturnoe obozrenie: 520–728.

Censer J.R. (2016) *Debating Modern Revolution: The Evolution of Revolutionary Ideas*, London: Bloomsbury.

Haslam J. (2011) *Russia's Cold War,* New Haven: Yale University Press.

Wang H. (2009) *The End of the Revolution. China and the Limits of Modernity*, London: Verso.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Сафронов П.А. (2017) Революция по краям. *Социология власти*, 29 (2): 8-11.

Safronov P.A. (2017) Margins of revolution. *Sociology of power*, 29 (2): 8-11.